

Д
С 47
113

И. СЛАДКОВ

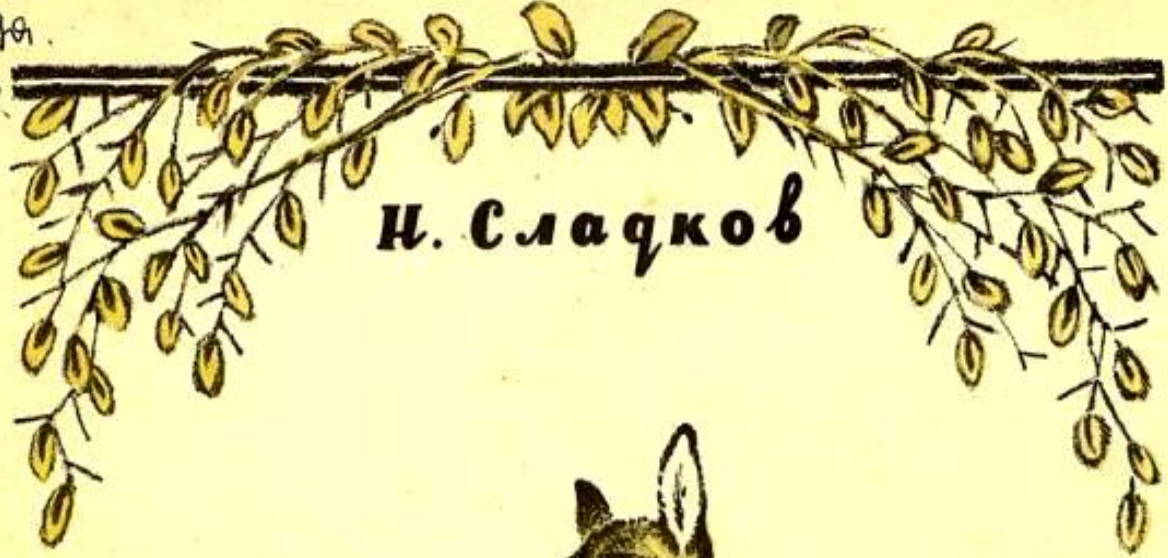

ДЖЕЙРАНЧИК

ДЕТГИЗ · 1958

шр 021
шр. 99.
шр. 037.

с 47

Н. Сладков

42286

ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
№ 31
Ленинского района
г. МОСКВА
1970

Джейранчик

Рассказы

59

Государственное Издательство
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1958

2
V

В

Песенка за окном

Весной в лесах и полях поют мастера птичьих песен: соловьи, дрозды, жаворонки. И как поют! Соловей закроет глаза, крылышками полураспущенными трепещет, и горлышко его дрожит от трелей. А жаворонок — это звенящий весенний ручей, песенка на крыльях!

Все слушают их затаив дыхание.

Я знаю много птичьих песен. Услышу, и — будь то в лесу или в поле — сразу угадаю, какая птица поёт. Но один раз не угадал. Да ещё где! В городе, где и птиц-то почти нет.

Проснулся я рано-рано. Вставать не хочется: всю ночь лил дождь, к утру подморозило — холодно. Вдруг слышу — за окном, за занавеской, птичка какая-то завозилась в кустах, потом голосок подала. Тихий голосок, но такой приятный, будто две хрусталинки ударились друг о друга. А потом просто по-воробьиному: чив! чив!

Диво!

Хрусталинкой — воробьём, воробьём — хрусталинкой!
Да всё горячей, всё быстрее, всё звонче!

Перебрал я в памяти все знакомые птичьи песни —
нет, не слышал такой никогда.

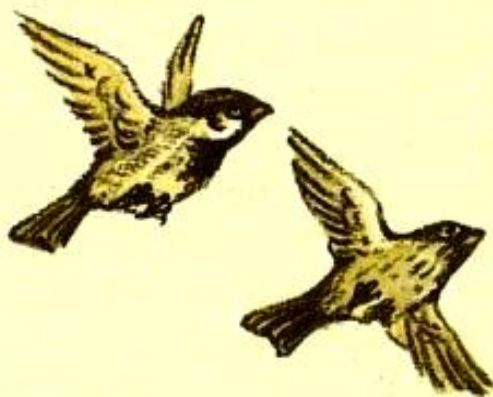
А птичка-невидимка не унимается: хрусталинкой —
воробьём, воробьём — хрусталинкой!

Тут уж и под тёплым одеялом не улежишь! Отдёрнул
я занавеску и вижу: сидит на кусте обыкновенный воро-
бей. И не один, а с подружкой. Подружка спокойно сидит
и пёрышки чистит, а воробью не сидится. Он чирикает
во всё горло и, как заводной, скачет вокруг подружки
с ветки на ветку, будто со ступеньки на ступеньку. Тонень-
кие веточки бьются одна о другую и звенят хрусталин-
ками. Потому звенят, что дождевая вода замёрзла на них
тоненькими сосульками.

— Чив! — воробей.

Дзень! — сосулька.

И так это выходит хорошо! Ей-ей, не хуже, чем у зна-
менитых певцов — соловьёв и жаворонков.

Джейранчик

В

олка ноги кормят, а вот джейрана ноги от врагов спасают.

Джейраны живут в сухих южных степях.

Вихрем носятся джейраны по степи. Кажется, что это не звери бегут, а птицы летят. Только пыль завивается из-под крепких копыт! Тут волка ноги не прокормят.

Нет у джейраньей степи ни конца, ни краю. На своих на двоих не скоро её прошагаешь. Но я еду верхом.

Еду, посвистываю. И вдруг — стоп! Коняшка под ноги глазом косит. У его копыт кротовина — кучка жёлтой сухой земли. А конь ноздри раздул, ушами прыдёт — и ни с места.

Вгляделся я: да это совсем не кротовина, это джейранчик! Прижался к земле, замер и дышать перестал.

Джейранчик крошечный, с зайчонка. Он недавно родился. Лобик у него крутой и вместо рожек — пупы-

рышки. А ножки тонкие-тонкие и длинные-длинные. Ненадёжные ножки. И щуплый: рёбрышки на боках проступают. Одна надежда на шкурку-невидимку. А шкурка и впрямь невидимка: не отличишь от степной земли. Тут и орлиный глаз обманется. Но человек не птица, его на кротовине не проведёшь.

Соскочил я с коня и протянул к джейранчику руку. А он как вскочит на тонкие ножки, как вытаращит на меня чёрные глазёнки, как ударит копытцем в землю, — пыль фонтаном! И — ходу. Я за ним. Куда там! Летит как птица.

— Ах, так? — рассердился я. — На своих на двоих не догоню — на четырёх лошадиных настигну!

Вскочил на коняшку, стиснул ему каблуками бока. Взвился конь, замоталась по ветру конская грива, захлестала меня по лицу. Вмиг догнал я джейранчика. А он бух! — и с ног! Запал, затаился. И глаза закрыл: глаза-то у него большие, блестящие — очень заметные. И опять стал как кротовина.

Перегнулся я с коня, тянись, тянись — нет, не достать!

Соскочил с коня — джейранчик бежать!

Я на коня — джейранчик на землю!

Подъеду к нему, ловчусь, ловчусь — нет, не дотянусь! Коняшка боится на него наступить и близко не подходит. А соскочу — джейранчик ходу!

Не видно конца нашей гонке: бегом не догнать, с коня не достать.

Смотрю я на джейранчика сверху и дивлюсь: мал, а хитёр! Видно, у джейранов спасение-то не в одних только ногах — и голова чего-нибудь да стоит, даже если на этой голове вместо рожек ещё только пупырышки.

Да не век же мне над ним торчать! Взбодрил я каблуком коняшку, и потрусили мы своей дорогой. Еду, посвистываю.

А что мне оставалось делать?

Я

В заповеднике

думал, что в заповеднике звери — как в зоологическом парке: „Пожалуйста, любуйся нами да поднеси чего-нибудь вкусенького!“

Сторож потянул меня за рукав и сказал шёпотом:
— В траве — медведи.

Я вытащил из кармана сахар и печенье.

Сторож как-то странно посмотрел на меня и отошёл в сторону.

Передо мной на склоне горы была поляна. На ней трава по пояс человеку. И никаких медведей.

В одном месте, правда, дрогнули, закачались травинки: верно, струйка ветра пробежала. Зашуршало что-то — ящерики так шуршат. Ветка качнулась на кусте — дрозд перелетел?

Да нет: не ветер, не ящерица, не дрозд... На сырой земле, под высокой травой, следы медвежьих лап.

Медведь тут. И не один. Вот след: свободно ладошкой накроешь. Вот другой: этот — двумя. А вот ещё. Его и двумя ладонями не закроешь: сзади широкая пятка, а спереди как вилами ткнули — дырки в земле от когтей.

Тут вся медвежья семья: мама, двухгодовалый пестун — медвежий подросток, которого мать оставила при себе нянчить маленького, и маленький медвежонок, совсем ещё несмышлёныш.

Тут звери. Рядом. А не видать! Не разучились, значит, прятаться. Не любят, чтобы их видели.

Припомнил я тут все свои встречи с медведями в незаповедных лесах, на охоте. Учёл ветер. Сунул обратно в карман печенье и сахар. Крадучись прошёл против ветра и залёг в кусты.

Я понял, что тут, в заповеднике, звери, пожалуй, ещё похитрей, чем простые, лесные, дикие. Понимают, что их тут никто не тронет. Пригляделись к людям. Бежать — не бегут; но и показываться не желают: мало ли что бывает...

Гляжу: слева от меня трава колышется.

Я переполз туда.

Ветка на кусте кивнула мне справа.

Я встал во весь рост и перебежал туда, направо.

Будто ящерка прошуршала — и никого! В прятки со мной играют.

Лопнуло моё терпенье. Вскочил я на пень да как рывкну:

— Встать!

Мгновенно из травы поднялись два зверя. Вытянулись, как по команде „смирно!“. И лапы по швам. Стоят, как на параде.

А третьего не видно: торчат из травы одни плюшевые уши, а нос не дорос. Но и по ушам видно, как разбирает его любопытство, как тянется он взглянуть, кто это, презрев все законы заповедника, орёт на весь лес.

Медведица по пояс из травы высунулась: в зубах у неё какой-то корень, она жуёт его, чавкает.

У пестуна над травой только голова да плечи. На его поросычьих ресницах земля комочками. Луп-луп глазами, сразу видно — балда балдой, мало ещё чего соображает! С ресниц земля сыплется.

И ушки плюшевые на макушке у маленького медвежонка неподвижно стоят, не дрогнут. Ясно: несколько не испугались звери — просто не привыкли, чтобы на них так кричали, вот и высунулись посмотреть, что за чудак нашёлся.

Теперь стреляй любого. Но нельзя: заповедник. Да и смешно очень, ружьё в руках затряслось бы — всё равно не попасть.

Лучше сладенького предложить им.

Полез я опять в карман за сахаром, достал три куса — глядь, а медведей-то уж нет, только трава на том месте слегка покачивается.

А сторож стоит в сторонке и хохочет.

Нет, значит, и не попрошайки звери в заповеднике. Уважают себя.

Вот с такими стоит познакомиться. Очень советую: побывайте в заповеднике.

В зоопарке не то.

Ч

Отчаянный заяц

Часто читал я и слышал, что зайцы способны на отчаянные поступки: видели зайца, который в грозную минуту упал на спину и задними, длинными ногами распорол живот налетевшему на него беркуту. Другой заяц с филином на спине помчал в густель и там забил его насмерть.

Сам я такого никогда не видел. А вот как орлы зайцев ловят, видел не раз. Налетит орёл, когтищи-крючья свесит над заячьей спиной, а если и промахнётся, то уши заячьи уж непременно распорет снизу доверху.

Но раз шёл я по обочине хлопкового поля. Волновался: каждый неубранный клочок хлопковой ваты казался мне белым заячьим хвостиком-цветком.

Увидел я зайца на насыпи оросительной канавки, под кустиком „заячьего холодка“ — травы такой, растущей густыми пучками. Заяц лежал прижав уши — спал.

Ружьё выстрелило само — ружьё всегда стреляет само при неожиданных встречах. С зайца, как перья из подушки, полетел белый пух, а он и ухом не ведёт!

Я к зайцу: что он, ошалел, что ли? А заяц как кинется с насыпи на меня — деваться-то больше ему некуда! Заверещал противно — да толк меня задними лапищами прямо в грудь! Я отшатнулся, запутался ногами в жёстком хлопчатнике и упал. А когда вскочил, только хвостик заячий мелькал вдали — будто летела над полем быстрая белая птичка.

— Ха! — сказал я. — Ха!

И тут же поверил в заячью храбрость. В отчаянную храбрость с перепугу.

Бегство цветов

Алину у высокой снеговой горы за безводье называли Мёртвой. Мы пришли в долину в сумерках — ничего не успели разглядеть. А утром вдруг видим: по всей долине синие озёра в золотых берегах и красные холмы песков — барханы!

Но глаза обманули нас. Не было в долине ни синих озёр, ни золотых песчаных берегов, ни красных барханов. Были цветы. В сырых впадинах синели незабудки. Они были такие яркие и такие синие, будто в них отразилось весеннее небо.

Золотые лютики окружили озёра незабудок. А на сухих травах загорелись маки. Маки были похожи на красные фонарики, зажжённые в зелёной траве. Их было много — так много, что у нас начинало рябить в глазах и кружилась голова. Вот так „Мёртвая долина“!

— Плохо, — сказали чабаны. — Мёртвая долина. Скоро всё сгорит от жары. Овцам нечего будет есть.

— И цветы сгорят? — пожалели мы.

Чабан прищурился:

— Цветы уйдут.

— Как — уйдут? Куда?

— Нас поведут на новые пастбища.

Шутник чабан! Нашёл проводников...

Прошло несколько дней, и вдруг мы заметили, что цветы-то действительно пошли! Цветы стали подниматься в гору. Каждый день они поднимались всё выше и выше. Цветы уходили из Мёртвой долины. Цветы спешили!

Синими волнами вверх по сырым лощинкам выплеснулись незабудки. По скатам лощин поднимались вверх жёлтые лютики. Будто среди жёлтых песков бежали синие ручьи. Маки поднимались по гребням отрожков.

Всё злее жгло солнце. Всё выше и выше поднимались на гору цветы. Высока гора. Первыми стали отставать незабудки. Они поднялись до верхних родничков и окружили их бирюзовыми колечками. Но лютики и маки поднимались всё выше и выше.

Ночи стояли душные, жаркие. За горами металась зарница. Вершина горы из белой стала бурой: сошёл последний снег. Из бурой — зелёной: покрылась травой. И, наконец, — золотой: это на самую вершину поднялись первые лютики. А скоро среди зелени и лютиков зажглись красные фонарики: на вершину поднялись маки.

Вслед за цветами и травой потянулись в горы и отары белых овец. Они, как курчавые весенние облака, медленно ползли по горным склонам.

А внизу, в долине, всё сгорело. Долина стала мёртвой. Но люди смотрели на горы и радовались: там, наверху, сочные травы, красивые цветы — большие будут курдюки у овец, душистое будет овечье молоко.

412236

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Песенка за окном</i>	3
<i>Джейранчик</i>	5
<i>В заповеднике</i>	8
<i>Отчаянный заяц</i>	12
<i>Бегство цветов</i>	14

ДЛЯ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО И-МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Сладков Николай Иванович

Д Ж Е Й Р А Н Ч И К

Ответственный редактор Г. В. Карпенко. Художественный редактор Н. Г. Холодовская.
Технический редактор Н. Э. Левинская. Корректоры Е. С. Карташова и Е. Н. Трушковская.
Подписано в печать 29-1 1958 г. Формат 60×92¹/₂ — 2,5 печ. л. (1,53 уч.-изд. л.). Тираж 325 000 экз. Цена 70 коп.
Заказ № 173.
Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

2-я фабрика детской книги Детгиза Министерства просвещения РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7

МАДОУ детский сад № 2
г. Ивделя